



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

### **Правила использования**

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.  
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.  
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.  
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.  
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

### **О программе Поиск книг Google**

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



ASSOCIATES PROGRAM

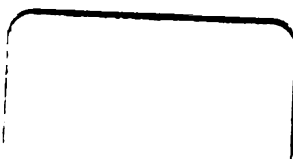
In grateful recognition  
of

**John L. Warden**  
**Class of 1962**

for generous support of the  
Harvard College Fund

**1992-1993**

The Harvard College Library



1 211 318-10

# ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

## НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОЯВРЬ

1873.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЛХХ.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1873.

## СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТРАВ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) гимназіи, в) низшія училища и г) учительскія школы . . . . .	1 и 78
Письма изъ Парижа. <i>Л. Л—ра</i> . . . . .	50 и 118
Объѣдъ, данный Кіевскимъ городскимъ обществомъ г. министру народнаго просвѣщенія. . . . .	65
Открытіе четвертой С.-Петербургской прогимназіи . . . . .	73

## ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Образованность и литературные нравы въ римскомъ обществѣ временъ Плинія младшаго. <i>П. Гвоздева</i> . . . . .	3
Новѣйшія изслѣдованія о греческихъ національныхъ грамматикахъ-писателяхъ. <i>В. І.</i> . . . . .	34
De Horatii saturarum II, 2, 29, 30. <i>Л. Мюллера</i> . . . . .	75
Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ. <i>Л. Воеводскаго</i> . . . . .	80
Ода (lib. III, carm. XXX) Кв. Горация. <i>Н. Фоккова</i> . . . . .	137
По поводу конъектуры Гальма въ Cic. Cat. II, 21, <i>Э. Верта</i> . . . . .	143
Библиографія: Записки К. Юлія Цезаря о войнѣ въ Галліи. Книги I и IV. Объяснилъ Ю. Фелькель. Часть I. <i>А. Гофмана</i> . . . . .	66

## ПРИЛОЖЕНІЕ.

Вспомогательныя таблицы для вычисленія пожизненныхъ эмеритальныхъ пенсій. *А. Н. Тихомандрицкаго*.

Библиографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ на 1869 годъ

6020

6

## ОБРАЗОВАННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРАВЫ ВЪ РИМСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ВРЕМЕНЪ ПЛИНІЯ МЛАДШАГО <sup>1)</sup>.

Замѣчено, что какъ скоро какой нибудь родъ литературы, достигнувъ апогея въ своемъ развитіи, начинаетъ падать, съ этого времени вырабатываются основательныя теоретическія для него правила. Такъ логика и пѣтика Аристотеля явилась въ Греціи именно тогда, когда поэзія и философія закончили тамъ весь циклъ своего развитія. Цицеронъ, — лучший изъ римскихъ ораторовъ: въ немъ римское краснорѣчіе дошло до крайняго блеска, — и вотъ онъ уже самъ пишетъ замѣчательныя сочиненія по реторикѣ. При Плиніѣ, когда политическое и судебное краснорѣчіе, явно клонилось къ упадку, учитель его Квинтилианъ написалъ безспорно замѣчательную книгу о теоріи краснорѣчія. Такимъ образомъ, теорія, если она вырабатывается нормально, есть въ нѣкоторомъ родѣ итогъ практическихъ наблюденій. Появленіе основательныхъ теорій по какому-либо роду словесныхъ произведеній именно въ то время, какъ этотъ родъ литературы, достигнувъ высшей степени своего развитія, начинаетъ падать, показываетъ, что не теорія регулируетъ практику, а наоборотъ — практика порождаетъ теорію, то-есть, когда накопилось нѣсколько однородныхъ фактовъ, тогда можно уже и подводить ихъ подъ извѣстную систему.

Римское общество временъ имперіи и Плинія младшаго, устранившее отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, должно было устремить свои умственные силы на какія нибудь другія стороны дѣятельности. Стороны эти у разныхъ людей были разныя. Лучшіе, люди съ бѣльшимъ рвеніемъ взялись за науку, какъ на примѣръ, Плиній старшій. Мы уже видѣли, съ какимъ самоотверженіемъ и преданностію зани-

<sup>1)</sup> Окончаніе. См. Журн. Мин. Народн. Просв. октябрь 1873 года.

мался онъ разными науками и какъ много написалъ онъ книгъ и сдѣлалъ извлеченій изъ другихъ сочиненій. Но до насъ дошла только его *Historia naturalis*—эта, какъ уже было сказано, энциклопедія общепользныхъ знаній.

Плиніи старшій принадлежитъ къ числу ученѣйшихъ людей не своего только времени. Его любознательность въ области естественныхъ наукъ была такъ велика, что онъ даже сдѣлался жертвою этой любознательности. Когда происходило изверженіе Везувія, стершее съ лица земли три нѣкогда славныхъ города, Плиніи старшій хотѣлъ вблизи наблюдать это явленіе природы и задохся отъ жара (VI, 16). Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право поставить его на ряду съ новѣйшими отважными изслѣдователями, на примѣръ, съ Франклиномъ и другими. Равнымъ образомъ и Плиніи младшій съ большою любовью, увлеченіемъ и живостію изображаетъ въ своихъ письмахъ чѣмъ нибудь особенно выдающіяся явленія природы (VI, 16, 20; IV 30; VIII, 17 и др.).

Но какъ въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ, точно также и въ умственной жизни этого времени замѣтенъ упадокъ римскаго общества. Естественныя знанія не приносили тогдашнему обществу всей той пользы, которой можно бы было ожидать отъ нихъ. Такой серьезный ученый, какъ Плиніи старшій, не былъ свободенъ отъ суевѣрій, въ которыя погружены были его современники; на примѣръ, свое сочиненіе о войнахъ германскихъ онъ началъ писать по указанію одного сновидѣнія, бывшего ему въ то время, какъ онъ находился при дѣйствующей арміи въ Германіи: именно, ему приснился образъ Друза Нерона, покорившаго громадную территорію Германіи и погибшаго тамъ; этотъ Друзъ поручалъ ему защитить свою память отъ обиднаго забвенія (III, 5).

Что же касается Плиніи младшаго, то это былъ въ полномъ смыслѣ слова суевѣръ: онъ вѣрилъ снамъ (I, 18), вѣрилъ привидѣніямъ (VII, 27); вѣрилъ снамъ и восхваляемый Плиніемъ литераторъ Фанній (IV, 5). Въ дѣлѣ естественныхъ знаній Плиніи младшій въ высшей степени былъ легковѣренъ: такъ онъ серьезно полагался на слова разказа, что дельфинъ игралъ съ мальчиками, купавшимися близъ берега, что мальчики вытаскивали этого дельфина даже на берегъ, и что, не смотря на то, дельфинъ оставался живъ (IX, 33). Конечно, вѣра въ сны оправдывалась и тогдашнюю религію: „ἐκ Διὸς ὄναρ ἐστὶ“, говоритъ Плиніи стихомъ Гомера, и въ этомъ отношеніи онъ не умѣлъ возвыситься надъ толпою, хотя вопросъ о снахъ и привидѣ-

ніяхъ рѣшалъ еще, съ естественной точки зрѣнія, Лукреціи и хотя Плиніи (IV, 18), какъ видно изъ его книгъ, читалъ эти сочиненія.

Къ области тѣхъ знаній, на которыя устремлялись лучшіе умы временъ Плиніи, принадлежала также и исторія. Чтобы уяснить себѣ цѣль, которую имѣли историческіе писатели того времени, намъ необходимо уяснить вообще взглядъ ихъ на исторію. Изъ всѣхъ римскихъ историковъ только Саллюстій и Тацитъ излагали ее прагматически; только у этихъ писателей явленія вытекають одно изъ другаго и каждое событіе имѣетъ свою причину. Прочіе же историки того времени смотрѣли на дѣло чисто съ фактической стороны. Событія являются у нихъ случайно, въ зависимости отъ произвола лицъ, и поэтому цѣль ихъ была нравственно-поучительная — представлять въ изображаемыхъ ими герояхъ примѣры для подражанія (Liv. предисл.), каковой взглядъ постоянно господствовалъ среди римскихъ историковъ, и только геній Тацита, въ описываемое время, могъ возвыситься надъ этимъ взглядомъ (*Модест. гл. VI*). Но Плиніи младшій пишетъ: „какое обаяніе, какое величіе и какая, наконецъ, божественная сила присуща исторіи — это я испытывалъ часто и въ прежнее время, но особенно убѣдился въ томъ недавно. Нѣкто, читая правдивый разказъ, часть его отложилъ до другаго дня; друзья начали просить и умолять, чтобы онъ совсѣмъ не читалъ остальнаго, до того стыдились слушать правдивый разказъ о своихъ дѣлахъ тѣ, которые нисколько не стыдились дѣлать то, что теперь не могутъ слушать безъ стыда“ (IX, 27). Изображеніе, большею частію, современныхъ событій поставило историковъ того времени въ немалыя затрудненія, — такъ Плиніи говоритъ: „если описывать новыя времена, то наживешь себѣ много враговъ и мало друзей, такъ какъ при нынѣшней испорченности людей, въ нихъ найдется болѣе достойнаго порицанія, чѣмъ похвалы. Но этого мало: если ты похвалишь кого нибудь, тебя будутъ называть скупымъ на похвалы, если обвинишь — строгимъ, хотя бы первое было сдѣлано весьма щедро, а послѣднее въ высшей степени сдержанно“ (V, 8). Поэтому считалось большимъ подвигомъ со стороны историка, если онъ описывалъ событія справедливо и безпристрастно. „Но я обладаю значительною долею мужества, чтобы быть честнымъ историкомъ“, говоритъ Плиніи младшій въ томъ же письмѣ. Большой славы удостоивался и тотъ историческій дѣятель, который не требовалъ, чтобы его подвиги прикрашивали. „Однажды историкъ Клювій сказалъ Вергинію Руфу: „ты знаешь, Вергиній, какая вѣрность должна



быть соблюдаема въ исторіи, поэтому, если ты увидишь что нибудь въ моей книгѣ изложеннымъ иначе, чѣмъ бы тебѣ хотѣлось, то прошу извинить меня". На это Вергиній отвѣчалъ: „Видно, Кловій, ты не знаешь, что я для того совершилъ свой подвигъ, чтобы вамъ, историкамъ, предоставить полную свободу описывать его, какъ вамъ угодно“ (IX, 19). Но если особеннымъ подвигомъ было со стороны историка описывать событія безпристрастно, то, очевидно, бѣльшая часть историческихъ сочиненій того времени долженствовала быть переполнена ложью Тацитъ говорить, что дѣла цезарей были искажены или писателями, или ненавистью, и что это обстоятельство было однимъ изъ побужденій, почему онъ взялся за составленіе историческаго сочиненія *Annales*, съ намѣреніемъ описывать все безъ ненависти и пристрастія (*Ann.* I, 1).

Общій уладокъ науки и литературы отразился и на философіи. До временъ Плинія младшаго въ римской философіи господствовалъ эклектизмъ (*Modest.* стр. 149), что и естественно, потому что Римляне были народомъ практики, а не теоріи: мыслятъ они усвоивали себѣ готовые греческія знанія, и своими дѣлами, то-есть, завоеваніями, распространяли эти знанія по всему тогдашнему свѣту. Но каково бы ни было направленіе въ философіи Римлянъ, для насъ важенъ тотъ характеръ, какой носила на себѣ эта философія. И Цицеронъ былъ эклектикъ, однакожъ его философскія сочиненія всегда будутъ свидѣтельствовать о его великомъ гениѣ. Но во времена Плинія младшаго римская философія не имѣла я тѣни гениальности: Плиній приходитъ въ восторгъ отъ философа Евфрата (I, 10) и ритора Ивея (II, 3). Чѣмъ же однако восхищается онъ? Высокопарностью рѣчи, діалектической ловкостью—я только; философы Плиніева времени хотѣли прикрывать пустоту своихъ философскихъ публичныхъ диспутовъ странною вѣжностью, напимѣръ, мрачнымъ выраженіемъ лица, оригинальнымъ костюмомъ и т. п. (I, 10, 22). Такими-то странностями философы старались поражать своихъ слушателей и достигали своей цѣли; они даже, по словамъ Плинія, внушали страхъ (I, 10).

Въ изящной литературѣ временъ Плинія младшаго мы видимъ тотъ же упадокъ, то же отсутствіе оригинальности и гениальности: въ этомъ сознается, иногда противъ собственной воли, Плиній и современныя ему литераторы. Напимѣръ, Плиній младшій, говоря, что такой то писатель удачно подражаетъ древнимъ, считалъ эти слова самою лестною для писателя похвалою (I, 16, VI, 21, IX, 22);

въ этомъ случаѣ онъ позабылъ слова своего учителя Квинтилиана, что всякій уподоблемый предметъ ниже того, которому уподоблялся (Квинт. X, 2). Мы не будемъ говорить здѣсь о техническихъ наукахъ времени Плинія младшаго; скажемъ только, что большая часть искусствъ стояли на высокой степени развитія, если не въ теоріи, то на практикѣ, что можетъ подтвердить великолѣпное устройство виллъ самого Плинія младшаго (II, 17, V, 6). Общій нашъ выводъ тотъ, что литература, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ описываемое время, стремилась къ упадку; но какъ же смотрѣлъ на это дѣло самъ Плиній младшій? Въ этомъ отношеніи онъ противорѣчитъ самъ себя: иной разъ говоритъ, что литература упала, состарѣлась (I, 5, VIII, 12), другой разъ приходитъ въ наѣосъ отъ проицвѣтанія наукъ и литературы своего времени. „Если когда нибудь“, говоритъ онъ, „процвѣтала литература въ нашемъ городѣ, такъ это теперь“ (I, 10). Противорѣчіе это объясняется легко: съ одной стороны, Плиній не можетъ не признать того очевиднаго факта, что литература и наука дѣйствительно пали въ его время; съ другой же стороны, движимый патріотизмомъ, онъ какъ бы намѣренно закрываетъ глаза, старается не видѣть положенія дѣлъ въ его настоящемъ свѣтѣ. „Титиній Капитонъ“, говоритъ онъ, „есть возстановитель старѣющей литературы“ (VIII, 12). Такимъ образомъ выходитъ, что литература дѣйствительно устарѣла, но что явился геній, который возвращаетъ ей ея прежнюю силу. Потомъ, литературный вечеръ, данный Вергиніемъ Романомъ, наводитъ Плинія на мысль, что литература его времени не выродилась до того, чтобы не производить ничего похвальнаго (VI, 21). Наконецъ, очарованный высокопарностью философа Евфрата, онъ восклицаетъ: „если когда нибудь процвѣтала литература, такъ это именно въ наше время“ (I, 10). Можетъ быть, Плиній и не дошелъ бы до такого страннаго противорѣчія съ самимъ собой, еслибы онъ былъ болѣе твердаго характера, но именно въ этомъ отношеніи нашъ авторъ и слабъ; будучи свѣтскимъ челоѣкомъ, онъ поставилъ себя правиломъ хвалить всѣхъ литераторовъ (VI, 17); старался угождать всѣмъ имъ, такъ какъ почти всѣ они были его друзьями. Онъ самъ говоритъ: „нѣтъ никого, кто, любя литературу, не любилъ бы видѣть съ тѣмъ и меня“ (I, 13). Такимъ образомъ, когда Плиній разсуждаетъ о литературѣ отвлеченно, не имѣя въ виду тѣ или другія личности, онъ говоритъ, что литература вообще и краснорѣчіе въ частности въ его время состарились и испортились (I, 5). Когда же приходится говорить ему о какомъ либо литераторѣ, онъ закрываетъ

себѣ глѣза и объявляетъ во всеуслышаніе, что такое-то литературное произведеніе, принадлежащее его другу, и вообще вся современная ему литература, представляютъ верхъ совершенства. Что патріотизмъ въ похвальныхъ отзывахъ его игралъ значительную роль, это видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его писемъ; такъ въ одномъ изъ нихъ онъ упрекаетъ Антонина за то, что тотъ пишетъ стихи на греческомъ языкѣ, тогда какъ и на латинскомъ могъ бы писать также превосходно, потому что латинскій языкъ нисколько не бѣднѣе греческаго (IV, 3). Но этотъ же Плиній въ другомъ письмѣ къ тому же Антонину самъ принужденъ былъ сознаться въ бѣдности латинскаго языка сравнительно съ греческимъ (IV, 12),—противорѣчіе, которое можно объяснить только патріотизмомъ. Впрочемъ, Плиній отчасти правъ, говоря, что литература въ его время воскресла, такъ какъ при Нервѣ и Траянѣ она все таки богаче и достойнѣе, чѣмъ при Домиціанѣ, который явно преслѣдовалъ науку и ученыхъ (Ранеуг. 49). А если приведенный нами хвалебный (сравн. VII, 33) отзывъ Плинія отпести въ сочиненіямъ Тацита, то можно было бы съ нимъ согласиться и исполнѣ, оговорившись только, что это явленіе исключительное. Въ исторіи обыкновенно бываетъ такъ, что высшее развитіе какого либо историческаго фактора предвѣщаетъ или даже совпадаетъ съ началомъ его паденія. Такимъ образомъ, не смотря на хвалебные отзывы Плинія младшаго о литературѣ своего времени, мы повторяемъ, что эта литература, вслѣдствіе неотразимаго историческаго хода событій, стремилась къ упадку.

Теперь рассмотримъ сознательныя цѣли, побужденія литераторовъ временъ Плинія младшаго къ литературнымъ занятіямъ. Таковымъ побужденіемъ была прежде всего слава; литераторы старались добиться этой славы не только между своими современниками, но и въ отомствѣ. Славолубіе было отличительною, національною чертою римскаго характера; въ былыя времена оно порождало Сцеволя, Регуловъ, Гракховъ, Катоновъ и множество другихъ героевъ, но описываемая нами эпоха была въ высшей степени неблагопріятна для произведенія тѣхъ или другихъ подвиговъ: верховное завѣдываніе военными и гражданскими дѣлами захватили въ свои руки деспоты и результаты этого захвата были въ высшей степени плачевны. При деспотахъ—цесаряхъ уже не было простора для личной доблести. Опекунъ Плинія младшаго, Вергиній Руфъ, совершилъ геройскій подвигъ, но совершилъ его во время междуцарствія. Когда же установилось правительство, но не такое, какого желалъ Вергиній Руфъ,

а которое обуславливалось общественнымъ и нравственнымъ состояніемъ римскаго государства, то-есть, правительство деспотическое, то у этого человѣка, достойнаго лучшихъ временъ, уже была отнята возможность совершать повне подвиги. Ему оставалось только наслаждаться воспоминаніемъ о своемъ геройскомъ поступкѣ, распространять славу его между своими современниками и въ потомствѣ, къ чему поощряли его историческіе разказы и похвальные оды, превозносившіе его подвигъ (II, 1). За излишнюю заботливость о своей славѣ, Вергинія Руфа упрекали даже нѣкоторые современники (IX, 19), но упрекавшіе не могли указать, что же ему оставалось дѣлать. Такимъ образомъ, славолюбіе Римлянъ не находило поприща и удовлетворенія въ сферахъ политической и военной дѣятельности; ихъ могучая духовная сила, мертвая на одномъ поприщѣ, должна была искать себѣ выхода на другомъ и такъ какъ Римляне уже давно получили вкусъ къ наукѣ и литературѣ, то именно въ этой области и упражнялись болѣе даровитые изъ нихъ, болѣе честолюбивые и совѣщавшіе въ себѣ большее количество національныхъ чертъ. Уже Саллюстій, удалившись съ политической сцены и принявъ за историческія сочиненія, настойчиво старается доказать ту мысль, что, конечно, славнѣе совершать подвиги, но не безславно и описывать ихъ (Sallust. Catil. cap. 3). Для Цицерона, во время диктаторства Юлія Цезаря, была закрыта политическая дѣятельность и слава, и вотъ этотъ честолюбивый политическій дѣятель принимается за литературные подвиги (De offic. II, 1). Августъ всѣ гражданскія и военныя должности привлекъ къ себѣ и нужно сознаться, что литература, кромѣ краснорѣчія, стояла при немъ на высокой степени развитія <sup>1)</sup>. При слѣдующихъ императорахъ, преимущественно Домиціанѣ, литература не процвѣтала, что зависѣло уже отъ прямаго преслѣдованія ея правительствомъ. Домиціанъ, на примѣръ, изгналъ всѣхъ ученыхъ изъ Рима. Нерва и Траянъ прекратили это преслѣдованіе, и литераторы опять принялись искать себѣ славы между своими современниками и въ потомствѣ.

Занятіе литературой изъ-за славы въ описываемое время болѣе всего замѣтно въ Плиніѣ младшемъ, который, очень хорошо сознавая, что онъ никакъ не можетъ сравниться съ Цицерономъ (IX, 2), все-таки добивался Цицероновской славы—это было его *pium deside-*

<sup>1)</sup> При Августѣ вошли въ обычай литературныя (собранія) чтенія (Шаф. и Гери.).

gium. „Тебѣ пріятно, пишетъ онъ Арріану, мое авгурство особенно потому, что Маркъ Туллій былъ авгуромъ; ты радуешься, что я и въ почестяхъ иду по слѣдамъ того, которому желаю подражать въ литературѣ. Но священство и консульство я получилъ даже гораздо моложе, чѣмъ онъ; о если бы мнѣ, хотя въ старости и хотя бы отчасти, достигнуть его таланта!“ (IV, 8). Съ какимъ восторгомъ разказываетъ Плиній объ уснѣхахъ своихъ рѣчей (VI, 33; IX, 23); онъ очень радъ тому, что его сочиненія продаются даже въ Лугдунѣ (IX, 11); онъ заботится не только о своей репутаціи между современниками, но и о славѣ въ потомствѣ. „Одинъ считаетъ счастливымъ одного, а другой другого, я же считаю счастливымъ того, который наслаждается предвзвухеніемъ доброй и прочной славы и, будучи увѣренъ въ похвалахъ потомства, живетъ вмѣстѣ съ своею будущею славой“ (IX, 3). „Не знаю, пишетъ Плиній Тациту, удостоимся ли мы какого-нибудь вниманія со стороны потомства; а мы вѣдь дѣйствительно заслуживаемъ вниманія, не говорю за талантъ (говорить такъ высококомѣрно), но за усердіе, за наши труды, за уваженіе къ потомкамъ; будемъ же идти своимъ предположеннымъ путемъ, онъ многихъ вывелъ на свѣтъ и въ славу, многихъ извелъ онъ изъ мрака и неизвѣстности“ (IX, 14). Плиній говоритъ даже, что если бы его глазамъ не представлялась награда въ вѣчности, онъ предпочелъ бы литературнымъ трудамъ покой (IX, 3). По вотъ письмо, ярко обрисовывающее Плинія (IX, 23): „Когда я произносилъ рѣчи“, пишетъ онъ Максиму, „то часто случалось, что центумвиры, послѣ долгаго колебанія между серьезностью и важностью, приличными судьямъ, вдругъ вставали и начинали хвалить меня, какъ бы увлеченные и побѣжденные мною. Часто въ сенатѣ я заслуживалъ такой славы, какой только желалъ; но никогда я не испытывалъ такого удовольствія, какое испыталъ недавно отъ разказовъ Корнелія Тацита. На послѣднихъ играхъ въ циркѣ, по словамъ его, сидѣлъ съ нимъ одинъ римскій всадникъ; послѣ разныхъ ученыхъ разговоровъ всадникъ спросилъ его: „италіанецъ ты, или провинціалъ?“ Тотъ отвѣчалъ: „ты меня знаешь и именпо по моимъ литературнымъ трудамъ“. На что всадникъ сказалъ: „такъ ты Тацитъ, или Плиній?“. Не могу выразить, сколь мнѣ пріятно, что наши имена упоминаются такъ, какъ бы это были имена не людей, а самой литературы, что мы по своимъ литературнымъ трудамъ извѣстны даже тѣмъ, которымъ безъ этого мы были бы совершенно неизвѣстны. За нѣсколько дней до этого былъ другой подобный случай. Рядомъ со мною за обѣдомъ сидѣлъ почтенный мужъ,

Фабій Руфинъ, а повыше его сидѣлъ его землякъ, въ первый разъ прибывшій въ Римъ. Руфинъ, указывая ему на меня, спросилъ: „знаешь ли ты этого?“ Потомъ началъ разказывать ему о моихъ литературныхъ трудахъ, послѣ чего провинціалъ сказалъ: „такъ это Плиній!“ Признаюсь, я получаю большую награду за свои труды. Если Демосѳенъ справедливо радовался, что одна аѳинская старуха, указавъ на него, сказала: „ὄβτος ἐστὶ Δημοσθένης“, то неужели же я не долженъ радоваться славѣ моего имени? Но я радуюсь и говорю, что я радуюсь; я не боюсь показаться слишкомъ хвастливымъ, вѣдь я произношу о себѣ не свое, а чужое мнѣніе <sup>1)</sup>.

Люди, добывающіеся дестной репутаціи между своими современниками, по необходимости должны слѣдовать предписаніямъ моды какъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ и въ дѣлѣ литературныхъ занятій. Мы уже видѣли въ первой главѣ нашего сочиненія, какъ Римляне описываемаго времени хорошо знали разговорный греческій языкъ, — знаніе это требовалось модой. Многія греческія слова и выраженія употребляются въ письмахъ Плинія по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ въ нашей беллетристической литературѣ часто употребляются, напри- мѣръ, французскія фразы; и какъ Французы на Русскихъ, такъ Греки на Римлянъ всегда производили сильное вліяніе, какъ народы высшей цивилизаціи. Цицеронъ, напри- мѣръ, пестрилъ цѣлыми греческими тирадами письма къ другу своему Аттику. Но Греки сохраняли свое обаяніе на Римлянъ и во времена Плинія, въ письмахъ котораго мы тоже встрѣчаемъ греческія выраженія совершенно безъ всякой настоя- тельной нужды; такъ императору Траяну не было никакой нужды, по нашему мнѣнію, обращаться къ своимъ совѣтникамъ съ греческимъ глаголомъ ἐπίστασθε (VI, 31), и вообще греческихъ выраженій, упо- требленныхъ въ письмахъ Плинія безъ необходимости, найдется не мало. Но однако время уже брало свое. Въ письмахъ Плинія уже менѣе встрѣчается греческихъ словъ, употребленныхъ изъ одной только моды, чѣмъ въ письмахъ Цицерона. Римляне уже не такъ рабски относятся въ своимъ учителямъ Грекамъ; если въ письмахъ Плинія и попадаются многія греческія фразы только для того, чтобы блеснуть знаніемъ этого языка, то съ другой стороны многія греческія слова употреблялись въ это время Римлянами уже по необходимости, вслѣдствіе бѣдности латинскаго языка, по невозмож-

<sup>1)</sup> Некоторые мѣста въ этомъ письмѣ, заимствованы изъ перевода г. Модестова, стр. 26—27.

ности подобрать точные и выразительные термины. Такъ, слова *φάλαχος* и *ἀφίλοχαλος* нужно передать по латыни многими словами; *μεγῶς* (величественно) переводятъ *graviter*, но латинское слово не вполне выражаетъ всю силу греческаго слова. Мы видѣли уже что образованные Римляне временъ Плинія младшаго хорошо знали Гомера. Къ числу побужденій при изученіи этого поэта можно отнести и мелкое честолюбіе: желаніе заслужить одобреніе и похвалы общества, каковымъ обыкновенно дарятъ людей, знающихъ и декламирующихъ стихи какого-нибудь извѣстнаго, моднаго поэта, тѣмъ болѣе Гомера. Съ какимъ самонаслажденіемъ Плиній прилагаетъ къ себѣ нѣкоторые стихи Гомера! Но кромѣ вышеупомянутаго побужденія тщеславія, были еще и другія, причемъ произведенія Гомера для Грековъ и Римлянъ были тѣмъ же, чѣмъ для насъ библія; изъ Гомера они черпали догматическія истины и правила нравственности. Когда Светоній, испуганный однимъ сновидѣніемъ, хотѣлъ отложить процессъ, Плиній пишетъ ему, что, конечно, сновидѣнія происходятъ отъ Зевса, но въ то же время страшные сами по себѣ сны могутъ иногда предвѣщать счастье (I, 18), что Плиній и подтверждаетъ текстомъ изъ Гомера. Другъ Плинія, Максимъ, написалъ книгу противъ своего врага и медлилъ издавать ее, ожидая смерти этого врага. Плиній настоятельно совѣтуетъ ему поторопиться изданіемъ; въ противномъ случаѣ, ему грозитъ страшный общественный упрекъ за несоблюденіе того важнаго правила, по которому „нечестиво издѣваться надъ мертвыми“, что опять основывается на стихѣ Гомера (IX, 1). Важное значеніе Гомера въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи было причиною того, что съ него начинали обученіе дѣтей; онъ всегда оставался образцомъ и въ литературномъ отношеніи. Плиній старается оправдать Гомеромъ даже свои литературные вкусы (I, 20; IX, 26).

Кромѣ стремленія къ славѣ, другимъ, не менѣе сильнымъ, побужденіемъ къ литературнымъ занятіямъ въ вѣкъ Плинія было удовольствіе. Всякій родъ литературныхъ произведеній доставляетъ то или другое духовное наслажденіе: въ исторіи задумываются надъ судьбою человѣческихъ обществъ; въ естественныхъ наукахъ стараются постигнуть тайны природы; философія пытается рѣшить неотвязчивые вопросы о Богѣ, мірѣ и самомъ человѣкѣ; въ лирическихъ произведеніяхъ изливаются волнующія челоуѣка чувства, его горе и радость, любовь и ненависть, надежда, отчаяніе и проч. Драматическая поэзія наглядно воспроизводитъ ту внутреннюю борьбу, которой подвергается челоуѣкъ вслѣдствіе разныхъ житейскихъ отношеній. Словомъ, вся

кая наука и литература доставляетъ чловѣку своего рода духовное наслажденіе. И чловѣкъ иногда сильно увлекается подобными наслажденіями, примѣромъ чего можетъ служить Плиній старшій, который ученымъ и литературнымъ занятіямъ посвящалъ каждую свободную минуту своей жизни, который считалъ потеряннымъ то время, которое тратится не на этотъ предметъ (III, 5). Въ сочиненіяхъ Тацита тоже видна горячая и возвышенная любовь къ наукѣ. Но въ эпоху Плинія младшаго это благородное отношеніе литераторовъ къ литературѣ уже составляетъ рѣдкость. Въ большинствѣ случаевъ литературныя занятія уже составляютъ необходимую принадлежность матеріальнаго комфорта, литературныя удовольствія, чисто духовныя, приравниваются къ удовольствіямъ тѣлеснымъ.

Что литература при Плиніѣ младшемъ была такимъ же удовольствіемъ, какъ, на примѣръ, пища, сонъ, прогулка, купанье и проч., мы видимъ изъ многихъ писемъ Плинія. Охотясь за кабанамъ, онъ въ то же самое время держалъ въ рукахъ стиль и записную книжку, обдумывалъ кое-что и записывалъ, а сообщая объ этомъ Тациту и совѣтуя ему дѣлать то же самое, прямо называетъ свое литературное занятіе бездѣльемъ и покоемъ (I, 6). Также и въ письмѣ къ Минуцію Фундану (I, 9) Плиній литературныя занятія называетъ покоемъ: „какъ скоро представляется случай, бросай шумъ и бѣготню и отдавайся наукамъ или досугу (по нѣкоторымъ изданіямъ, — наукамъ, какъ бы покоемъ); ибо лучше, по умному и вмѣстѣ весьма остроумному выраженію Аттилія, быть совсѣмъ безъ дѣла, чѣмъ заниматься бездѣльемъ“. Въ письмѣ къ Клару, Плиній дѣлаетъ шуточный выговоръ этому другу за то, что онъ, не смотря на обѣщаніе, не пришелъ на званный обѣдъ, „а обѣдъ былъ хотя не изысканный, но присутствіе на немъ было не безъ удовольствія, потому что можно было слушать чтеца, или лириста“ (I, 15). И вообще въ письмахъ Плинія мы встрѣчаемъ много интересныхъ мѣстъ въ подкрѣпленіе высказаннаго нами положенія. Такъ въ письмѣ къ Капинію (II, 8) онъ говоритъ: „ты занимаешься или литературными трудами, или рыболовиемъ, или охотою, или всѣмъ вмѣстѣ? Близъ нашего Ларійскаго озера все это можно дѣлать: озеро доставляетъ рыбу; лѣса, окаймляющіе его, дикихъ звѣрей, а уединеніе располагаетъ къ литературнымъ занятіямъ. Но дѣлаешь ли ты все это разомъ, или отдѣльно, я не могу сказать, чтобы завидовали тебѣ; меня терзаетъ то, что и мнѣ нельзя дѣлать того же самаго, чего я также сильно желаю, какъ больные желаютъ вина, мытья въ баняхъ и купанья въ источникахъ.



Неужели мнѣ никогда не удастся разорвать мои крѣпкія связи, если мнѣ не суждено развязать ихъ? Полагаю, что никогда; ибо къ старымъ занятіямъ все прибываютъ новыя, да и старыя еще не окончены; куча занятій растетъ со дня на день и затягивается узлами, какъ бы цѣпями“. „Въ Тускской дачѣ“, пишетъ Плиній къ Макру, „я занимаюсь охотою и литературой. Оба эти занятія иногда перемѣняю, а иногда и совмѣщаю“ (V, 16). Плиній приравниваетъ литературу къ удовольствію ничего не дѣлать, ничѣмъ не быть: „давно не бралъ я въ руки ни книги, ни трости, давно не знаю, что такое досугъ, что такое покой, что за счастье ничего не дѣлать и быть ничѣмъ,— многія обязательства, которыя я долженъ исполнять для друзей, не позволяютъ мнѣ ни удалиться въ виллу, ни заниматься литературой“ (VIII, 9). Во время обѣда Плиніа увеселялъ или чтецъ, или лиристъ, или комедіантъ (IX, 36). Такимъ образомъ, въ его время литературой занимались по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ предавались матеріальнымъ удовольствіямъ. Литературныя занятія прогнали скуку, которая появлялась у римскихъ богачей отъ множества свободнаго времени (II, 2), и у Плиніа младшаго слова *otium* и *studia* почти однозначущи. Но, очевидно, при такомъ положеніи дѣла, сама литература должна была скоро прискучить, и литературѣ, наконецъ, предпочтутся самыя низшія удовольствія. Такъ, Плиній пишетъ (IX, 17): „Я получилъ твое письмо, въ которомъ ты жалуешься, что обѣдъ, хотя и очень пышный, ты провелъ очень скучно, потому что постоянно около стола вертѣлись шуты, развратные плясуны и дураки. Но ты не сердись. Конечно, я самъ ничего подобнаго не имѣю, но и къ тѣмъ, которые богаты этимъ, я отпущусь равнодушно. Но почему я не имѣю? а потому, что мнѣ не доставляетъ удовольствіе, если безстыдную выходку сдѣлаетъ плясунъ, дерзкую — шутъ, а глупую — дуракъ. Все это извѣстно и нисколько не забавно, и этимъ я высказываю не свою разсудительность, а только вкусъ. А вѣдь много такихъ, которые, лишь только является чтецъ, или лиристъ, или комедіантъ, тотчасъ выходятъ вонъ; а если остаются таковыя за обѣдомъ, то они испытываютъ такую же скуку, какую породили въ тебѣ тѣ чудовища, какъ ты ихъ называешь. Поэтому будемъ снисходительны къ увеселеніямъ другихъ, чтобъ самими получить снисхожденіе отъ другихъ къ нашимъ увеселеніямъ“.

Извращеніе литературнаго вкуса въ тогдашнемъ Римѣ еще болѣе видно изъ того, что въ это время сильно распространился въ публикѣ тотъ родъ литературы, который служитъ выраженіемъ низкихъ, чув-

ственныхъ страстей, который бываетъ результатомъ общественнаго разврата и, въ свою очередь, самъ распространяетъ развратъ. Калпурній Пизонъ на литературномъ собраніи читаетъ 'Ερωτικόσιμον (шуточное любовное стихотвореніе), и Плиній уходитъ съ этого вечера въ полнѣйшемъ восторгѣ (V, 17). Поэтъ Марціалъ весь свой талантъ и всю свою литературную дѣятельность посвящаетъ эротической поэзіи, которую самъ онъ характеризуетъ именемъ пьяной. Нѣкоторые историки считаютъ такъ-называемую пантомиму (воспроизводившую посредствомъ одной жестикюляціи, безъ словъ, разныя сцены изъ жизни, преимущественно же нравственно неприличныя) особымъ родомъ драматической поэзіи (Шаф. и Герм.). Эти пантомимы были до такой степени возмутительны и безнравственны, что даже тѣ, которые держали у себя пантомимистовъ, смотрѣли на ихъ представленія секретно, удаляя взрослыхъ юношей (VII, 24); и Плиній тоже находилъ удовольствіе въ этихъ пантомимахъ (V, 3). Наконецъ, самъ Плиній, принадлежавшій къ лучшимъ людямъ своего вѣка, пишетъ непристойное стихотвореніе „Гендмасилабы“, которое до того правилось всѣмъ, что его заучивали наизусть, читали на литературныхъ собраніяхъ и вляли на музыку. Любовь къ этому стихотворенію даже заставила Грековъ учиться латинскому языку (VII, 4); что это стихотвореніе было очень неприлично, видно изъ того, что имъ оскорблялось нравственное чувство даже нѣкоторыхъ современниковъ Плиніа, который, будучи однимъ изъ лучшихъ людей своего времени, всячески усиливается доказать, что писать такіа стихотворенія нисколько не предосудительно (VII, 4; V, 3).

Подобное состояніе политической, общественной и умственной жизни Рима должно было породить въ лучшихъ людяхъ того времени стремленіе вырваться изъ этой душной атмосферы, желаніе подышать свѣжестью природы и естественности; такимъ образомъ вся тогдашняя жизненная обстановка вызывала родъ литературы, называемый идилліей, которая дѣйствительно и появлялась всегда въ подобныя несчастныя эпохи. Нравственная испорченность Сицилійцевъ во время тирановъ породила знаменитаго Теокрита; хаосъ международныхъ войнъ въ Римѣ побудилъ Вергилія писать идилліи; во Франціи, наканунѣ революціи, является Руссо,—и дѣйствительно, состояніе римскаго государства въ описываемую эпоху подобно состоянію французскаго народа предъ революціей; однакожь поэтовъ-идилликъ въ Римѣ, во время Плиніа, мы не видимъ. Но законы непреложны: если нѣтъ идилліи, какъ особаго рода поэзіи, то въ лите-

ратурѣ, современной Плинію, въ большомъ количествѣ, идиллическій элементъ разлитъ въ другихъ родахъ литературныхъ произведеній. Нѣкоторые изслѣдователи римской литературы утверждаютъ, что Тацитъ написалъ свое географическо-этнографическое изслѣдованіе о „Нравахъ Германіи“ съ цѣлю показать Римлянамъ, какъ далеко уклонились они отъ простоты и естественности, показать это на живомъ, наглядномъ примѣрѣ. Г. Модестовъ, въ своемъ изслѣдованіи о Тацитѣ, отвергаетъ это мнѣніе; онъ говоритъ, что сочиненіе это было, съ одной стороны, плодомъ потребности въ авторѣ умственного труда, съ другой — результатомъ столь же естественной потребности подѣлиться этимъ трудомъ съ другими (стр. 61), при чемъ г. Модестовъ видитъ въ Тацитѣ сильное сочувствіе къ простотѣ и неразвращенности Германцевъ (стр. 71). Слѣдовательно, у Тацита есть идиллія невольная и какъ бы безсознательная. Принимаясь писать свое сочиненіе, онъ не имѣлъ въ виду никакихъ постороннихъ цѣлей, онъ искалъ въ умственномъ трудѣ только наслажденія, и былъ вполне объективенъ; но простой и естественный образъ народа подкупилъ великаго историка въ свою пользу, Тацитъ какъ бы переселяется къ этому неизвращенному народу, и оттуда осмываетъ упреками свое римское общество. Для исторіи все равно—писалъ ли Тацитъ сказанную монографію съ предвзятою цѣлю пристыдить испорченность Римлянъ примѣромъ жизни невинной и естественной, или же эти язвительные упреки вырывались у него сами собою: историческій законъ и въ послѣднемъ случаѣ выполненъ даже болѣе, чѣмъ въ первомъ; „духъ времени“ подчиняетъ себѣ людей даже тогда, когда они не хотятъ ему подчиняться и даже думаютъ, что ему не подчиняются.

Идиллическій элементъ ясно обнаруживается и въ нѣкоторыхъ письмахъ Плинія младшаго (I, 9). „Удивительно“, пишетъ онъ къ Минуцію Фундану, „пока живешь въ городѣ, кажется, будто можешь отдать отчетъ въ каждомъ днѣ; а если же взять всѣ дни въ совокупности, то и не знаешь, какъ они прошли. Если спросить кого-нибудь, что онъ дѣлалъ сегодня, то отвѣтъ можетъ быть слѣдующій: былъ при принятіи мужской тоги, былъ на сговорѣ, или на свадьбѣ; тотъ пригласилъ меня для скрѣпы завѣщанія, этотъ на тяжбу, иной на совѣщаніе. Все это въ тотъ день, когда, какъ кажется, занимаешься необходимымъ; но если вспомнишь, что ежедневно занимался подобнымъ образомъ, то пустота и ничтожество вдругъ представятся ясно: особенно когда удалишься въ деревню. такъ вспомнишь, сколько дней и на какіе пустяки потрачено! Со мной бываетъ это тогда,

когда я или читаю въ своей Лаврентійской виллѣ или сочиняю, или подкрѣпляю отдыхомъ свои тѣлесныя силы, при чемъ освѣжается и духъ мой. Здѣсь ничего я не слышу и ничего не говорю такого, о чемъ приходилось бы въ послѣдствіи раскаяваться. Никто въ неприязненныхъ рѣчахъ не чернитъ другихъ, самъ я никого не порицаю, развѣ только одного себя, если бываю недоволенъ своими сочиненіями. Никакая надежда, никакой страхъ не тревожатъ меня, никакіе толки не заботятъ; я бесѣдую только съ самимъ собой и съ своими книгами. Вотъ она настоящая, свободная отъ всего дурнаго, жизнь, вотъ пріятный и честный досугъ, лучшій всякаго дѣла! О море, о берега, вы подлинно обиталища музъ! Сколько чувствъ пробуждаете вы въ душѣ, сколько мыслей порождаете въ писателѣ! Поэтому и ты, лишь только представится случай, оставь городской шумъ и пустую бѣготню, а отдайся литературѣ или покою" (*Прот.*, кн. V, отд. 1, стр. 118). Такимъ образомъ Плиній, въ свободное время отъ общественныхъ занятій, удаляется въ ту или другую изъ своихъ многихъ виллъ. Но какъ здоровая пища противна большому желудку, такъ и столкновение съ простою и естественною жизнію поселанъ тяготитъ человѣка, привычнаго къ городской жизни. Въ роскошно устроенныхъ виллахъ онъ окружаетъ себя удобствами городской жизни, предается городскимъ занятіямъ; онъ радъ, если императоръ позсечетъ его изъ виллы для пополненія комплекта совѣтниковъ, необходимыхъ при разбирательствѣ разныхъ судебныхъ дѣлъ (VI, 31). Ему въ высшей степени непріятно, если крестьяне беспокоятъ его своими письменными счетами. „Я“, говоритъ онъ, „посвященъ въ другія бумаги, я предназначенъ для другаго рода письменности“ (IV, 15).

Безнравственность общества, вызвавъ въ литературѣ идилическій элементъ, породила и сатиру; къ этому времени относится знаменитѣйшій изъ римскихъ сатириковъ — Ювеналь; впрочемъ, въ наукѣ существуетъ и другой взглядъ (напримѣръ, историка Шлоссера), по которому Ювеналь изъ гонителя и бича пороковъ часто обращается въ панегириста этихъ же пороковъ.

Такимъ образомъ слава и удовольствіе были главными побужденіями къ литературнымъ занятіямъ во время Плинія младшаго; литераторы и люди образованные преслѣдовали эти цѣли сознательно и въ то же время онѣ были указываемы и самою исторіею. Еще Цицеронъ восторженно говорилъ, въ рѣчи своей про *Archia poeta*, о высокихъ наслажденіяхъ, доставляемыхъ литературными занятіями; Цицеронъ

любилъ славу, онъ добивался ея своею политическою и литературною дѣятельностью. Но между людьми Цицероновой эпохи и людьми эпохи Плинія младшаго существуетъ большое различіе; время наложило на нихъ свой характеристическій отпечатокъ. Цицеронъ, вполне сознавая важность литературы, все-таки въ теоріи и на практикѣ предпочиталъ ей политическую и общественную дѣятельность, посвящая литературѣ только время, свободное отъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ (de offic. II, 1). Современникъ Цицерона, Саллюстій, явно ставитъ выше тѣхъ, которые совершаютъ подвиги, предпочитаетъ ихъ писателямъ, повѣствующимъ объ этихъ подвигахъ (Sall. Cat. 3). Но люди изображаемой нами эпохи думали уже иначе; юридическая сфера, правда, и въ то время имѣла еще вполне преданныхъ ей дѣятелей: Плиній младшій говоритъ даже, что защиту друзей въ судѣ слѣдуетъ предпочитать литературнымъ занятіямъ (VII, 9, VII, 15, VIII, 21), и правило это онъ выполнялъ на самомъ дѣлѣ; такъ однажды, созвавъ къ себѣ друзей и знакомыхъ, онъ сталъ имъ читать свои литературныя произведенія, но лишь только его пригласили на защиту, Плиній тотчасъ, извинившись предъ слушателями, оставляетъ свою аудиторію и отправляется въ судъ (VIII, 21). Чтобы помогать друзьямъ своею адвокатскою ловкостью и опытностью, Плиній дѣлалъ все: онъ съ величайшею тщательностью составлялъ свои рѣчи, во время произношенія ихъ не щадилъ ни голоса, ни груди,—такъ при одномъ процессѣ онъ говорилъ съ такимъ напряженіемъ цѣлыхъ пять часовъ, что слушатели, и самъ императоръ, серьезно опасались за его здоровье, такъ что императоръ подослалъ къ нему отпущенника и велѣлъ сказать ему, чтобы онъ поберегъ себя (II, 11). Но такая самоотверженность являлась въ Плиніѣ вслѣдствіе его свѣтской деликатности и погони за репутаціей; въ глубинѣ же души онъ желалъ для себя свободы и отъ занятій на форумѣ. Желаніе это въ Плиніѣ боролось съ его стремленіемъ къ славѣ и, къ счастью для современниковъ, большею частію брало перевѣсъ. Изъ отзывовъ Плинія объ ораторѣ Изевѣ мы дѣйствительно видимъ, что онъ любилъ теоретическія занятія, хотя бы и рѣчами, предпочтительно предъ практическими. „Ему (Изеву), говоритъ Плиній, за 60 лѣтъ, а онъ все еще схоластикъ. Нѣтъ ничего незлобивѣе и лучше этого рода людей“ (II, 3). Подобный контрастъ между Цицерономъ и его подражателемъ замѣчается и въ ихъ государственной дѣятельности. Время, когда обстоятельства устраняли Цицерона отъ политической дѣятельности, было для него временемъ томленія и душевной пытки; объ этомъ

свидѣтельствуя его письма. Другое дѣло—Плиній младшій; будучи въ Сиріи на службѣ, военнымъ трибуномъ, онъ имѣлъ случай тѣсно сблизиться съ философомъ Евфратомъ и наслаждаться его бесѣдами; однако, его должность не позволяла ему употреблять на это столько времени, сколько бы ему хотѣлось; Евфратъ сталъ убѣждать военного трибуна въ томъ, что наука, которою онъ занимается, заповѣдуетъ усердное выполненіе общественныхъ дѣлъ. Плинію этотъ аргументъ не нравится, такъ какъ онъ желалъ бы быть вполне свободнымъ отъ дѣлъ, чтобы безраздѣльно заниматься всегда литературой (I, 10). Кромѣ того, Плиній съ нетерпѣніемъ ждетъ того времени, когда ему исполнится 60 лѣтъ, чтобы имѣть возможность, не боясь никакихъ упрековъ, предаться покою и литературѣ (III, 3, ср. VII, 3). Такимъ образомъ между Плиніемъ младшимъ и Цицерономъ, которому Плиній желалъ подражать во всѣхъ отношеніяхъ, было большое различіе (IV, 8), которое замѣчали уже и современники Плинія и на что онъ обыкновенно отвѣчалъ имъ: „Маркъ Туллій находился въ другихъ обстоятельствахъ“ (IX, 2). Слѣдовательно, и Плиній младшій, и его современники слѣшили поскорѣе отдѣлаться отъ общественной и государственной дѣятельности, чтобы свободнѣе предаваться литературнымъ занятіямъ; они жаждали покоя — *otium*, слово, какъ мы видѣли выше, почти однозначущее съ *studia* — литературныя занятія. Однакожъ, общественное мнѣніе и законы требовали (III, 1), чтобы этотъ покой былъ *otium honestum*, а почета можно было достигнуть только пройдя многія государственныя должности; общественную репутацію можно было составить себѣ также и дѣльнымъ выполненіемъ адвокатскихъ обязанностей; кромѣ того, государственныя должности и адвокатура нужны были въ видахъ матеріальнаго обезпеченія. Известно, какъ проконсулы и пропреторы грабили провинціи и какъ адвокаты торговали своею профессіей. Учителя, содержавшіе общественныя школы, тоже стремились къ наживѣ. Но при всѣхъ этихъ занятіяхъ требовалось не малое образованіе, а потому современники Плинія младшаго часто смотрѣли на нихъ, какъ на средство составить себѣ карьеру и нажить состояніе. Такъ, Плиній рекомендуетъ другу своему Филкону (вѣроятно, главнокомандующему), на должность военного трибуна, какого-то Корнелія Минуціана, въ числѣ достоинствъ котораго, между прочимъ, ставить и то, что этотъ Минуціанъ любитъ науки (VII, 22). Подобныхъ рекомендацій въ письмахъ Плинія встрѣчается не мало. Да и о себѣ самомъ онъ говоритъ (IV, 24), что лишь „благодаря литературѣ, выдвинулся впередъ“.

ніе греческаго языка было необходимо для отправлявшихся на службу въ греческія провинціи; затѣмъ литературныя работы могли обогащать писателей и непосредственно, такъ какъ литераторы не мало получали за свои сочиненія.

Но тѣ, которымъ литературныя занятія приносили выгоду въ социальномъ отношеніи, составляли только малую частицу римскаго населенія; конечно, образованіе и ученость могли доставлять почетъ и карьеру всѣмъ образованнымъ и ученымъ людямъ, но только этихъ образованныхъ людей было чрезвычайно мало; и какъ матеріальныя блага были сосредоточены въ рукахъ незначительнаго меньшинства, такъ равно и духовно-нравственный капиталъ принадлежалъ этому же меньшинству. Еще городская чернь понимала кое-что въ литературѣ, подчасъ обнаруживала даже здоровое критическое къ ней отношеніе; при Цицеронѣ толпа отличалась вѣрнымъ слухомъ и чувствомъ гармоніи; почти съ афинскою чуткію замѣчала она даже самыя легкія промахи въ размѣрѣ или количествѣ слоговъ, и актеръ, позволившій себѣ подобныя ошибки, могъ быть увѣреннымъ, что его проводятъ со сцены свистомъ и шумомъ. Горацийъ разказываетъ, что если игра актера не согласовалась съ положеніемъ представляемаго лица, то не только въ переднихъ рядахъ, но и во всемъ театрѣ поднимался смѣхъ; Горацийъ совѣтуетъ своему ученику не опускать изъ вниманія требованій публики, а въ одномъ мѣстѣ онъ даже называетъ эти требованія своими собственными требованіями (*Пропт.* V, 1, стр. 135). Плиній младшій говоритъ: „Помпоній Секуноръ, извѣстный писатель трагедій,—если совѣтывали ему вынустить что нибудь, что однако онъ самъ желалъ бы удержать,—обыкновенно говорилъ: обращусь къ суду народа; и сообразуясь съ молчаніемъ или одобреніемъ народа, онъ или слѣдовалъ своей мысли, или же принималъ замѣчаніе друзей“ (VII, 19). Но только въ одномъ Римѣ чернь была развита до пониманія и критики литературныхъ произведеній, чего этотъ, презрѣнный въ глазахъ римской знати, классъ достигъ не научнымъ образованіемъ; эту оцѣнку внушалъ ему здравый, хотя и не образованный наукою, смыслъ и самая жизненная обстановка. Мы уже видѣли, что въ Римѣ существовали, между прочимъ, такія средства къ образованію, которыя могли сильно дѣйствовать и на неграмотныхъ, какъ напримѣръ, театры, публичныя диспуты, разные монументы и т. п.; потому-то Плиній младшій и говоритъ, что „отдѣльно, въ каждомъ плебѣ мало пониманія литературы, но въ цѣлой массѣ много“ (VII, 19); а подобный всеобщій, не единичный смыслъ и чутье могутъ происходить

отъ недостатка именно теоретическаго образованія: народъ смотритъ на какое-нибудь представленіе и единогласно или аплодируетъ, или свищетъ актеру, но кто именно началъ выразить свое одобреніе или порицаніе—нельзя отыскать; этого, пожалуй, не знаетъ и самъ тотъ, кто началъ, чтò, повторимъ, бываетъ только съ тѣми, которыхъ разсудокъ не развитъ научнымъ образомъ, когда человѣкъ не въ состояніи уяснить себѣ своихъ смутныхъ чувствъ и желаній; правда, часто можетъ, аплодисментами или свистомъ толпы, сознательно руководить одинъ или нѣсколько людей, образованныхъ или одаренныхъ богатымъ природнымъ смысломъ, но это нисколько не опровергаетъ нашей мысли, что въ каждомъ отдѣльномъ членѣ толпы было мало литературнаго сужденія. Впрочемъ, въ Римѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, напримѣръ, въ Комѣ, гдѣ Плинію на свой счетъ основалъ публичную бібліотеку, чернь дѣйствительно могла имѣть кое-какое образованіе. Но послушаемъ Плинія, чтò онъ говоритъ о жителяхъ сель, составлявшихъ большинство населенія: „здѣсь (въ селеніи близъ его виллы), можно видѣть“, пишетъ онъ, „стариковъ, имѣющихъ уже внуковъ и правнуковъ; рѣчь ихъ совершенно иная, чѣмъ наша, и если бываешь здѣсь, то кажется, что ты родился въ какомъ-нибудь другомъ столѣтіи“ (V, 6). На столько разошлись въ культурномъ отношеніи два класса населенія римской имеріи,—бѣдные и богатые! Ни прежде, ни въ описываемое время римская литература нисколько не содѣйствовала уничтоженію соціально экономической и литературной розни; не пріискивала такихъ средствъ, которыми бы можно было матеріальныя и духовныя блага, скопившіяся въ меньшинствѣ, распредѣлить равномерно. Правда, и въ описываемое время были науки, служившія матеріальному комфорту, какъ медицина, архитектура и другія, но опять таки онѣ были пригодны только для богачей, для устройства, напримѣръ, и украшенія ихъ дачъ, но никакъ не для низшаго класса населенія, которому было не до построекъ по всѣмъ правиламъ архитектуры и не до скульптурныхъ украшеній; онъ довольствовался насущнымъ хлѣбомъ и кое-какимъ пристанищемъ, защищавшимъ его отъ разрушительныхъ вліяній атмосферы. Не даромъ римская чернь боготворила своихъ императоровъ, когда получала отъ нихъ хлѣбъ; конечно, требуя настоятельно рапем, она требовала вмѣстѣ съ тѣмъ и *circenses* (Juvenal. X, 80), требовала грубыхъ зрѣлищъ, но грубость эта условливалась крайне тяжелымъ соціально-экономическимъ положеніемъ бѣднаго народа. Въ числѣ реальныхъ наукъ описываемой эпохи была и медицина, но и эта



благодѣтельница чловѣческаго рода благодѣтельствовала въ то время (какъ и большею частію) тоже только людямъ богатымъ: медникамъ приходилось пользоваться и рабовъ, конечно, по приглашенію господъ, не желавшихъ нести убытокъ, но, по свидѣтельству Плинія, медики съ рабами обращались далеко не такъ нѣжно, какъ съ ихъ господами (VIII, 24).

Все это мы говоримъ на основаніи или по поводу писемъ Плинія младшаго. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самыхъ его письмахъ. Какъ мы уже видѣли, ихъ слѣдуетъ отнести въ числу литературныхъ произведеній: Плиній былъ весьма радъ, когда одинъ другъ предложилъ ему издать ихъ; слѣдовательно, какъ онъ самъ, такъ и другъ его смотрѣли на разбираемые теперь нами письма, какъ на литературныя произведенія. Въ своихъ письмахъ, какъ и въ своихъ рѣчахъ, Плиній подражаетъ Цицерону. О подражаніи въ рѣчахъ говорить онъ самъ, но хотя о подражаніи въ письмахъ онъ ничего не говоритъ, мы можемъ это замѣтить изъ сличенія тѣхъ и другихъ. Такъ, 24-е письмо VIII-й книги къ Максиму, получившему назначеніе устроить провинцію Ахаію, напоминаетъ намъ инструкцію М. Т. Цицерона, данную его брату Кв. Цицерону, бывшему три года проконсуломъ въ Азіи (Ep. Cic. ad Quint. frat. I, 1). Въ 19-мъ письмѣ той же книги Плиній говоритъ: „въ литературѣ для меня—и радость и утѣшеніе, и нѣтъ такой печали, которую бы она не облегчала“ и проч.; эти слова напоминаютъ намъ извѣстную похвалу Цицерона наукамъ, въ его рѣчи *pro Archia poëta*. Слѣдующее мѣсто изъ письма 2, III книги: „я написалъ тебѣ (Максиму) во первыхъ для того, чтобы написать что нибудь новое, а потомъ для того, чтобы побесѣдовать съ тобой о республикѣ“, очевидно, есть перифразъ письма Цицерона къ Куріону (Cic. ad divers. 11, 4). Эткихъ примѣровъ будетъ достаточно для доказательства, что Плиній и въ своихъ письмахъ подражалъ Цицерону. Слогъ его и современныхъ ему литераторовъ отличается большою простотою и отчетливостію выраженія. (См. *Модест.* стр. 177 и 178).

Что касается значенія писемъ Плинія при изученіи классической древности, то значеніе это велико: онѣ представляютъ намъ богатый матеріалъ для сужденія о всѣхъ сторонахъ тогдашней жизни. Правда, Плиній, какъ мы уже замѣтили, не отличался глубокомысліемъ; онъ не видѣлъ, или не желалъ видѣть, тѣхъ сокровенныхъ пружинъ, которыя собственно двигали машину современной ему жизни; онъ самъ сознается, что нѣкоторыя сердечныя чувства (преимущественно чувство

любви), быть можетъ, брали перевѣсъ надъ его разсудкомъ, не позволяли ему критически относиться къ окружающимъ его явленіямъ (IV, 27), отчего приговоры его часто бывають пристрастны и невѣрны. Но письма Плинія для насъ важны, какъ письма тонкаго наблюдателя, причемъ многія изъ нихъ очень характеристичны; въ этихъ письмахъ, между прочимъ, находится не мало данныхъ для рѣшенія третьяго изъ предложенныхъ нами вопросовъ, именно: каковы были въ то время отношенія литераторовъ между собою?

### III.

Какъ въ письмахъ Плинія младшаго рисуются взаимныя отношенія литераторовъ.

Въ VI вѣкѣ отъ построенія Рима, при первыхъ зачаткахъ греко-римскаго литературнаго развитія, литераторовъ было мало, они были одиночны, какъ бы изолированы отъ остальнаго общества. Но потомъ, съ теченіемъ времени, число ихъ постоянно увеличивается, они уже составляютъ плотную корпорацію, которая въ свою очередь дробится на мелкіе кружки и такимъ образомъ появляются литературныя партіи; литераторы, не переставая составлять вѣчто особое отъ остальнаго общества, проникають въ это общество и играютъ въ немъ болѣе или менѣе видную роль, — такъ было во времена Цицерона и Августа и такое же положеніе литераторовъ мы замѣчаемъ и при Плиніи младшемъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что впоследствии корпоративный духъ литераторовъ усиливается, причемъ партіи ихъ какъ бы сглаживаются и даже на первый взглядъ представляются какъ бы полное отсутствіе всякихъ распрей между ними. Наконецъ, что касается отношенія литераторовъ къ самому обществу, то они уже начинаютъ пользоваться въ немъ бѣльшимъ противъ прежняго почетомъ, что зависѣло прямо отъ большей образованности тогдашняго римскаго общества; такъ какъ литературныя зажитія сдѣлались потребностію, то, очевидно, онѣ уже могли доставлять литераторамъ уваженіе и любовь; литераторы были принимаемы хорошо даже при дворѣ; Плиній старшій, напримѣръ, по утрамъ ходилъ къ императору Веспасіану для ученыхъ и литературныхъ бесѣдъ (III, 5); императоръ Траянъ также любилъ проводить время въ бесѣдахъ съ литераторами (VI, 31).

Въ средѣ римскихъ литераторовъ временъ Плинія младшаго видно большое согласіе, единодушіе, дружба, обусловливаемая единствомъ занятій и интересовъ. „Нѣтъ“, говоритъ Плиній младшій, „почти ни-

кого, кто, любя литературу, не любилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и меня“ (I, 13).

Единодушіе это и дружба выражались въ томъ, что литераторы поощряли другъ друга къ литературнымъ занятіямъ. „Низкія и грязныя заботы“, пишетъ Плиній Канинію, „ты поручи другимъ, а самъ въ тиши и уединеніи займись литературными трудами; придумай и обработай что - нибудь такое, чтѣ вѣчно могло бы принадлежать тебѣ“ (I, 3). Литераторъ Октавій просилъ Плинія младшаго выступить на судѣ противъ Бэтиковъ; Плиній отказывается подъ разными предлогами, въ доказательство справедливости своего извиненія приводитъ нѣкоторые стихи изъ Гомера и письмо свое заключаетъ такими словами: „а почему бы мнѣ постоянно не говорить съ тобой гомерическими стихами до тѣхъ поръ, пока ты не дашь мнѣ возможности бесѣдовать съ тобой твоими собственными стихами. Я до того стараю нетерпѣніемъ читать твои стихи, что, кажется, только одною этою платой могъ бы быть подкупленъ къ тому, чтобы выступить въ судѣ противъ Бэтиковъ“ (I, 7). Въ письмѣ къ Минуцію Фундану Плиній пишетъ: „какъ только дозволятъ тебѣ обстоятельства, оставь городской шумъ и пустую бѣготню; отдайся наукамъ или досугу“ (I, 9). Въ 7-мъ томѣ III-й книги Плиній опять увѣщаетъ того же Канинія „оставить послѣ себя нѣчто такое, чѣмъ бы можно было засвидѣтельствовать, что онъ дѣйствительно жилъ“. Но и самому Плинію совѣтовали приняться за обширное сочиненіе. „Ты совѣтуешь мнѣ“, пишетъ онъ Капитону, „писать исторію, и не ты одинъ. Объ этомъ уже напоминали мнѣ и многіе другіе, такъ что я хочу взяться за дѣло“ (V, 8).

Светоній и Плиній условились между собою издать въ свѣтъ по сочиненію, но съ тѣмъ, чтобы началъ Плиній, который дѣйствительно и издалъ такъ называемыя Гендекассиллабы. Однакожъ, Светоній медлитъ, и вотъ Плиній напоминаетъ ему о долгѣ и, шутя, грозитъ хромыми ямбами, если только долгъ не будетъ уплаченъ въ скоромъ времени (V, 11). Въ 1-мъ письмѣ IX книги Плиній торопитъ Максима поскорѣе издать давно уже написанную послѣднимъ книгу противъ Планта. По совѣтамъ ли друзей, или по своему собственному побужденію, литераторы готовятъ произведенія, извѣщаютъ объ этомъ своихъ друзей, разказываютъ имъ, какъ они пишутъ, при какой обстановкѣ. Такъ Плиній извѣщаетъ Тацита, что онъ во время охоты за кабанамъ (I, 6) набрасывалъ нѣкоторыя мысли въ свою записную тетрадь; этотъ же Плиній, по просьбѣ молодого литератора

Фуска, подробно описываетъ ему весь порядокъ своихъ занятій (IX, 36, 38). Когда сочиненіе написано вчернѣ, авторъ позволяетъ нѣкоторымъ, особенно близкимъ изъ своихъ друзей, читать его. По свѣтамъ ихъ, онъ дѣлаетъ исправленія, потомъ еще читаетъ нѣкоторымъ друзьямъ, наконецъ дѣлаетъ литературное собраніе, на которомъ читаетъ свое произведеніе, замѣчаетъ по выраженію глазъ, по лицу слушателей, что нравится, и что не нравится, послѣ чего опять дѣлаетъ исправленія (VII, 17). На эти литературныя собранія приглашали посредствомъ записокъ и объявленій, а иногда и словесно (III, 18). Если почему нибудь на собраніи не былъ кто либо изъ друзей литератора, то отсутствующему обыкновенно посылалось читавшееся произведеніе при письмѣ, съ просьбою отмѣтить мѣста, которыя онъ считаетъ нужнымъ или исправить, или дополнить, или же совершенно выкинуть (I, 8, VII, 20 и др.). Нерѣдко литераторы въ своихъ письмахъ высказывали другъ другу свои секреты. Такъ, Плиній проситъ Тацита, чтобы онъ внесъ въ свою безсмертную исторію геройскій поступокъ, совершенный Плиніемъ при защитѣ Акціи Варіолы (VII, 33). Въ 17-мъ письмѣ VII книги Плиній описываетъ тѣ чувства, которыя испытываютъ ораторы предъ произнесеніемъ своихъ рѣчей. „Когда встаешь для произнесенія рѣчи на форумѣ, не отчаяваешься ли тогда въ самомъ себѣ, не желаешь ли, чтобы измѣнилось въ рѣчи не только весьма многое, но и все, особенно если слушателей много“. Тацитъ спрашивалъ Плинія, что чувствовалъ онъ, находясь въ Мизенѣ во время изверженія Везувія (VI, 20), и Плиній отвѣчаетъ ему подробно. А вотъ письмо Плинія къ Транквилю (IX, 34): „Разрѣши ты мое сильное недоразумѣніе: я слышу, будто я дурно произношу стихи; поэтому, намѣреваясь читать близкимъ друзьямъ, я думаю сдѣлать это посредствомъ вольноотпущенника. Тотъ, на кого палъ мой выборъ, владѣетъ тоже не совсѣмъ хорошимъ произношеніемъ; все-таки, вѣроятно, онъ прочтаетъ лучше меня, если только не придетъ въ смущеніе, такъ какъ онъ столько же новый чтець, сколько я новый поэтъ. А не знаю я, что дѣлать мнѣ самому, когда онъ будетъ читать мое произведеніе: сидѣть ли подобно вкопанному; нѣмому и похожему на празднаго человека, или, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые, сопровождать чтеніе шопотомъ, выраженіемъ глазъ, движеніемъ рукъ. Впрочемъ, я думаю, что я также дурно жестикулирую, какъ и читаю. Опять прошу, разрѣши мое недоразумѣніе и откровенно напиши, не лучше ли читать самому, хотя бы и дурно, чѣмъ дѣлать или не дѣлать то, о чемъ говорю“.

Литераторы навѣщаютъ другъ друга: Такъ, друзья Плинія часто приходили къ нему въ его виллы (IX, 16). Самъ Плиній съ величайшимъ удовольствіемъ провелъ время у стараго литератора Спуринны (III, 1). При подобныхъ посѣщеніяхъ первымъ дѣломъ были литературные и ученые разговоры. Такъ Плиній пишетъ Катинію: „я приду къ тебѣ на обѣдъ, но съ условіемъ: пусть этотъ обѣдъ будетъ умѣренъ, пусть онъ призобилуетъ только сократическими бесѣдами“ (III, 12). Дружба между литераторами проявлялась не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Такъ Плиній хлопочетъ о покупкѣ дачи для Светонія (I, 24). Когда Марціалъ уѣзжалъ изъ города, Плиній снабдилъ его всѣмъ нужнымъ (III, 21). Плиній скорбѣлъ, когда кто нибудь изъ друзей-литераторовъ былъ боленъ или умиралъ (I, 22; III, 21; IX, 22; V, 5). Когда эдиктомъ Домиціана философы изгнались изъ Рима, Плиній, у одного изъ нихъ—Артемидора, былъ въ подгородной дачѣ и далъ ему значительную сумму для уплаты долга <sup>1)</sup> (III, 11). Литераторы время Плинія оказывали другъ другу услуги и любезности чисто литературнаго свойства. Такъ, напримѣръ, Плиній пишетъ о знаменитомъ юристѣ Аристонѣ: „нѣтъ ничего такого, чему бы онъ не могъ научить, если только ты желаешь учиться. Для меня онъ ключъ, истинная сокровищница, коль скоро доискиваюсь чего нибудь мнѣ неизвѣстнаго“ (I, 22). Во второмъ письмѣ III книги Плиній пишетъ Максиму: „совѣтомъ Адріана я пользуюсь въ своихъ судебныхъ дѣлахъ, а его литературнымъ вкусомъ (judicio) при моихъ литературныхъ занятіяхъ“ (III, 2). Литератору Антонину, писавшему свои стихотворенія на греческомъ языкѣ, Плиній старался подражать на латинскомъ языкѣ; нѣкоторыя же изъ нихъ онъ просто переводилъ на латинскій и, по его собственнымъ словамъ, только портилъ произведенія Антонина (IV, 18). Плиній имѣлъ высокое понятіе о талантахъ Тацита и также точно старался подражать ему (VII, 20). Въ свою очередь, онъ самъ считался первокласснымъ литераторомъ и многіе литераторы искали у него покровительства, на что нашъ авторъ не былъ скупъ. Такъ нѣкто Фускъ, вѣроятно еще молодой человекъ, спрашивалъ его, какъ нужно заниматься, чтобы сдѣлаться хорошимъ литераторомъ. Плиній подробно излагаетъ ему правила и описываетъ, какъ онъ самъ занимается въ своихъ виллахъ (VII, 9; IX, 38, 40). Въ 23-мъ письмѣ VI книги онъ говоритъ: „я сильно желаю выводить на форумъ знатныхъ юношей и приобщать

<sup>1)</sup> Если литераторъ умиралъ, его друзья иногда писали его біографію (III, 5).

ихъ къ славѣ. Я это дѣлаю часто" (17, 23), и нужно отдать справедливость Плинію,—онъ не былъ недоступнымъ, высокоофрннымъ патрономъ молодыхъ литераторовъ; онъ пишетъ Прокулу: „ты просишь, чтобы я, находясь въ виллѣ, прочиталъ твои произведенія и рассмотрѣлъ ихъ, достойны ли онѣ изданія; ты прибѣгаешь къ мольбамъ, указываешь на примѣры, просишь, чтобы я нѣсколько свободного времени отнял у своихъ литературныхъ трудовъ и посвятилъ бы ихъ твоимъ, прибавляешь, что Маркъ Туллій съ удивительною благосклонностію лелѣялъ дарованія поэтовъ. Но меня не слѣдуетъ ни просить, ни убѣждать, такъ какъ я самую поэзію вполне боготворю, а тебя сильно люблю; твое желаніе я исполню съ большимъ стараніемъ и охотою“ (III, 15). Благосклонность Плинія къ молодымъ литераторамъ видна также изъ слѣдующаго его письма (V, 17): „я былъ въ числѣ слушателей Калпурнія Пизона. Произведеніе его написано илавными и гладкими элегическими стихами; тамъ, гдѣ нужно, употреблены возвышенныя слова: онъ, то поднимается высоко, то опускается внизъ, серьезное мѣшаетъ съ пріятнымъ и все это дѣлаетъ талантливо. Особенную прелесть придастъ его пріятнѣйшій голосъ, украшаемый скромностію; на его лицѣ выступала краска, въ немъ выражалось сильное безпокойство — великія украшенія читающаго! По окончаніи чтенія, я много разъ и долго цѣловалъ этого юношу, и будучи увѣренъ, что похвала есть лучшее поощреніе, настойчиво убѣждалъ его продолжать начатое поприще... Я поздравилъ добрѣйшую мать, поздравилъ и брата, приобрѣвшаго на этомъ литературномъ собраніи не меньше славы за свою любовь къ брату, чѣмъ тотъ за свое краспорѣчіе; въ немъ очень замѣтенъ былъ сначала страхъ за читающаго брата, а потомъ радость. Да даруютъ боги, чтобы я почаще извѣщалъ тебя (Спурину) о подобныхъ событіяхъ. Я желаю нашему вѣку не быть безплоднымъ и не выродиться, чтобы наши юноши не имѣли въ своихъ домахъ никакихъ другихъ украшеній, кромѣ портретовъ своихъ предковъ, которые, кажется, такъ и одобряютъ добрыя стремленія“. Плиній, вообще, непритворно радовался, если юноши обращались къ нему за наставленіями и если его наставленія приносили хорошіе плоды. „О радостный день“, восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Максиму (VI, 11): „приглашенный на совѣщаніе префектомъ города, я слышалъ двухъ юношей, одного, говорившаго защитительную рѣчь, а другаго—обвинительную, юношей съ блистательными дарованіями, — Фуска Салинатора и Нумидія Квадрата. Прекрасная пара! Они будутъ украшеніемъ не только нашемъ

времени, но и самой литературѣ... Доставило мнѣ удовольствіе, между прочимъ, и то обстоятельство, что они смотрѣли на меня, какъ на ихъ руководителя и наставника, — слушателямъ казалось, что они соревнуютъ мнѣ, твердо идуть по моимъ слѣдамъ. О день, повторяю, радостный и счастливѣйшій въ моей жизни! Что можетъ быть пріятнѣе для государства, какъ не знатные юноши, старающіеся составить себѣ имя своими литературными трудами! Что можетъ быть для меня желательнѣе, какъ не то, что я служу какъ бы образцемъ для тѣхъ, которые стремятся къ честной цѣли! Молю боговъ, чтобы я постоянно могъ получать подобное удовольствіе; призываю боговъ въ свидѣтели и прошу ихъ, чтобы тѣ, которые будутъ высоко цѣнить подражаніе мнѣ, оказались бы лучше меня“.

Желаніе Плинія, выраженное въ этомъ письмѣ, большею частію исполнялось: молодые люди сильно заискивали въ немъ, что видно уже изъ вышеприведенныхъ писемъ, но еще характеристичнѣе, въ этомъ отношеніи, слѣдующія слова Плинія: „Юлій Назонъ“, говоритъ нашъ авторъ, „избралъ меня образцомъ для подражанія. Присягну ли я рѣчь въ судѣ, онъ съ безпокойствомъ стоитъ, ожидая результата; читаю ли на литературномъ собраніи, онъ всегда сидитъ подлѣ меня, подходитъ ко мнѣ прежде всѣхъ и проситъ разсмотрѣть прочитанное произведеніе; теперь это дѣлаетъ онъ одинъ, а прежде онъ поступалъ такъ вмѣстѣ съ братомъ, недавно умершимъ“ (VI, 6). Нѣкоторые литераторы въ своихъ произведеніяхъ пѣли Плинію младшему хвалебные гимны въ полномъ смыслѣ этого слова, каковыя похвалы доставляли нашему автору величайшее наслажденіе, и онъ, въ свою очередь, не оставался въ долгу предъ своими панегиристами и даже платилъ имъ съ лихвою; напримѣръ, Марціалъ. въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, обращается къ своей музѣ, чтобы она отыскала домъ Плинія на Эсквилинѣ и почтительно бы приблизилась къ нему, и говоритъ: „смотри, пьяная муза, безвременно не толкайся въ дверь оратора; онъ цѣлые дни посвящаетъ суровой Минервѣ, потому что желаетъ угодить слуху многихъ людей такими своими произведеніями, которыя потомки наши смѣло могутъ поставить на ряду даже съ произведеніями, вышедшими изъ Арпинума (то-есть, съ сочиненіями Цицерона). Ты можешь отпрапляться въ поздній вечеръ“ (III, 21). Плиній за это стихотвореніе снабдилъ Марціала всѣмъ нужнымъ для путешествія, когда тотъ уѣзжалъ изъ Рима. А въ послѣдствіи, по смерти Марціала, Плиній расточаетъ ему такіа похвалы: „Это былъ человекъ талантливый, остроумный, обладалъ даромъ слова, въ

сочиненіяхъ его весьма много остроумія, желчи и столько же естественности" (III, 21). Еще болѣе, чѣмъ Марціалъ, восхвалялъ Плинія нѣкто Сенцій Авгуринъ: „Пою поэтическія пѣсни мелкими стихами, такими, какими нѣкогда пѣлъ мой Катулъ, Калвъ и другіе поэты. Но что мнѣ до нихъ? Одинъ Плиній для меня замѣняетъ всѣхъ древнихъ; возвратившись съ форума, онъ въ нѣжныхъ стихахъ выражаетъ свое нѣжное чувство. Онъ дѣлаетъ тоже, что дѣлали Катоны. Итакъ, прочь всякій, слывущій мудрецомъ, ты не можешь такъ любить и такъ выражать свою любовь, какъ Плиній“. Плиній, приведя эти слова въ своемъ письмѣ къ Фалкону, говоритъ: „видишь, какъ все тутъ остроумно, все кстати и выразительно. Я полагаю, что въ продолженіе многихъ лѣтъ ничего не писано совершеннѣе въ этомъ родѣ, если только меня не обманываетъ любовь къ Авгурину, или то обстоятельство, что онъ меня превозноситъ похвалами" (IV, 27). А вотъ и письмо Плинія къ самому Авгурину, вѣроятно написанное по поводу вышеприведеннаго стихотворенія: „если, будучи похваленъ тобою, начну, въ свою очередь, хвалить тебя, то опасаюсь, какъ бы не показалось, что я не столько выражаю свое мнѣніе, сколько плачу дань благодарности; впрочемъ, пусть себѣ кажется; я всѣ твои произведенія считаю прекрасными, и особенно тѣ, въ которыхъ говорится о насъ; ты превосходно пишешь то, что пишешь о друзьяхъ; я читаю то произведеніе, въ которомъ говорится обо мнѣ, какъ произведеніе превосходное (IX., 8)

Однакожъ, взаимныя отношенія литераторовъ между собою не всегда бывали такъ утѣшительны; подъ часъ между ними происходили недоразумѣнія. Намъ уже извѣстно, что неприличное произведеніе Плинія *Гендекасиллабы* надѣлало ему много хлопотъ (V, 3, VII, 4). Плинію также не разъ приходилось вести утомительные споры о томъ, какой родъ краснорѣчія лучше — цвѣтистый и обильный, или краткій; самъ Плиній отстаивалъ первый, но противники его были люди ловкіе, неуводимые въ споръ (I, 20, IX, 26). Нѣкоторые упрекали Плинія за то, что онъ, при всякомъ случаѣ, безъ мѣры хвалитъ своихъ друзей. Подобные упреки сильно задѣвали Плинія и онъ отвѣчаетъ на нихъ (VII, 28): „Говоришь, что нѣкоторые въ твоёмъ присутствіи упрекали меня за то, что я при всякомъ случаѣ хвалю своихъ друзей безъ мѣры: сознаюсь въ этомъ преступленіи, и даже съ величайшею радостью... Однакожъ, кто эти, лучше меня знающіе моихъ друзей? Положимъ, впрочемъ, что они и знаютъ ихъ, такъ зачѣмъ же они завидуютъ мнѣ въ моемъ счастливомъ заблужденіи? Положимъ, что



друзья мои не таковы, какими и ихъ прославляю, но, въ такомъ случаѣ, я счастливъ тѣмъ, что они мнѣ кажутся такими... тутъ эту злую разборчивость рекомендую другимъ"... Плиній сильно негодовалъ на тѣхъ, которые вооружаются противъ людскихъ пороковъ; такихъ людей онъ упрекалъ изрѣченіемъ знаменитаго Пета-Тразея, сказавшаго, что кто ненавидитъ пороки, тотъ ненавидитъ людей (VIII, 22, IX, 17). Мы видѣли, что Плиній покровительствовалъ и сочувствовалъ успѣхамъ многихъ литераторовъ. Но этотъ же самый Плиній (III, 9) говоритъ: „Слава, особенно въ литературѣ, имѣетъ нѣчто ἀκοινώνητον — не терпящее сообщества“; это показывало, что литераторы иногда завидовали и интриговали другъ противъ друга. Такимъ образомъ Плиній, если и желалъ „приобщить къ славѣ“ многихъ литераторовъ, то имѣлъ, вѣроятно, въ виду такихъ, соперничества съ которыми ему нечего было опасаться. Бывали среди литераторовъ и такіе, которые старались приобрести славу на чужой счетъ, то-есть, было плагиатство (II, 10). Между литераторами бывала и ожесточенная вражда, причемъ враги-литераторы писали одинъ на другого памфлеты и пасквили. Такъ, другъ Плинія — Максимъ написалъ нѣсколько книгъ „въ защиту себя противъ Планты, или вѣрнѣе, за себя и противъ Планты“ (IX, 1). Безнравственный Регулъ, доносчикъ временъ Домиціана, ускорившій гибель стойка Арулена Рустика, былъ въ восторгѣ отъ его смерти и издалъ по этому случаю книгу, въ которой нападаетъ на Рустика, называя его обезьяною, стонковъ и рубцомъ отъ раны, полученной за Вителлія (I, 5), а такъ какъ Рустикъ былъ другомъ нашего автора, то Плиній въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ и изображаетъ Регула самыми непривлекательными красками (II, 20, IV, 7).

Плиній, столь благосклонный въ молодымъ литераторамъ, быть можетъ представлялъ собою исключеніе изъ общаго правила, иначе вышеупомянутому Прокулу не нужно было бы обращаться къ нему съ такими униженными просьбами; вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, литературныя знаменитости бывали очень высокомѣрны и недоступны. Но, съ другой стороны, много было и такихъ молодыхъ литераторовъ, которые не обращали никакого вниманія на ветерановъ литературы и не признавали никакого авторитета. Вотъ какъ Плиній описываетъ этихъ отрицателей въ одномъ изъ своихъ писемъ (VIII, 23): „величайшая скорбь, испытываемая мною по случаю смерти Юнія Авита, уничтожила, истребила и похитила всѣ мои литературныя занятія, всѣ мои заботы и всѣ развлечения... Онъ меня любилъ, почиталъ и

смотрѣлъ на меня, какъ на своего учителя и воспитателя, что рѣдко встрѣчается среди нашего юношества. И въ самомъ дѣлѣ, много ли встрѣтишь такихъ, которые, будучи младшими, дѣлали бы уступки лѣтамъ или авторитету старшаго; напротивъ, они мудрецы, они тотчасъ уже знаютъ все, никого не почитаютъ, никому не подражаютъ, сами себѣ служатъ примѣромъ. Авитъ былъ не таковъ; его особенное благоразуміе заключалось въ томъ, что онъ другихъ считалъ благоразумнѣе себя; особенная ученость его состояла въ томъ, что онъ желалъ учиться, всегда просилъ у меня совѣтовъ относительно литературныхъ занятій и всякій разъ дѣлался все лучше и лучше“.

Больше всего литераторы сталкивались между собою на литературныхъ собраніяхъ. Приличіе требовало, чтобы литераторъ, который хотѣлъ читать свое произведеніе, приглашалъ къ себѣ всѣхъ знакомыхъ литераторовъ, иначе могла возникнуть вражда (I, 5); приличіе требовало также, чтобы приглашенные непременно явились на собраніе и дѣлали бы читающему разныя знаки одобренія. Но послѣднее условіе не всегда соблюдалось, и Плиній пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Нынѣшній годъ обилень поэтами (I, 13) <sup>1)</sup>. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца апрѣля не проходило почти ни одного дня, въ который бы не было какого нибудь чтенія. Приятно видѣть литературныя занятія въ такой силѣ, приятно, что на поприще литературной дѣятельности не перестаютъ являться новыя таланты, не смотри на то, что публика лѣниво собирается. Большая часть собравшихся за дверями убиваютъ время, слушая разныя вздоръ, и по временамъ спрашиваютъ, вошелъ ли читающій въ залу, окончилъ ли вступленіе, много ли ему остается читать, и коль скоро узнаютъ, что большая часть рукописи прочитана, тогда они,—и то медленно и какъ бы не хотя,—уже входятъ въ залу. Но и тутъ они не въ состояніи выси-дѣть до конца и начинаютъ расходиться одни украдкой, незамѣтно, другіе открыто и не стѣсняясь приличіями. Но, право, еще на памяти отцовъ случилось вотъ что: разказываютъ, что цезарь Клавдій, прогуливаясь во дворцѣ, услышалъ шумъ; спросилъ о причинѣ, и когда ему сказали, что читаетъ Ноніанъ, онъ тотчасъ и неожиданно явился въ залу. А теперь самага отъявленнаго празднолюбца приходится приглашать заранѣе, да и то онъ или совсѣмъ не явится, или же если и придетъ, то жалуется послѣ, что у него день про-

<sup>1)</sup> Переводъ этого письма большею частію заимствованъ изъ *Проимл. кн. V, отд. 1, стр. 125.*

паль даромъ—именно потому, что, быть можетъ, первый въ жизни у него не пропалъ день. Тѣмъ болѣе мало уваженія и благодарности заслуживаютъ тѣ, у которыхъ подобное лѣнивое равнодушіе и эта гордая невнимательность публики не отнимаютъ охоты къ литературнымъ трудамъ и публичному чтенію своихъ произведеній. Что касается лично меня, то я почти никого изъ читающихъ не лишаю своего присутствія. Конечно, большая часть изъ нихъ мои друзья, ибо почти нѣтъ никого, кто бы, любя литературу, не любилъ видѣть съ тѣмъ и меня. По этой причинѣ я пробылъ въ городѣ долѣе, чѣмъ предполагалъ. Теперь же я могу удалиться въ виллу и написать что нибудь, впрочемъ, не для чтенія, но чтобы не показалось, что я былъ не слушателемъ, а заказчикомъ тѣхъ литераторовъ, на чтеніяхъ которыхъ я присутствовалъ. Ибо какъ въ другихъ сферахъ, такъ и въ литературной, услуга пропадаетъ, какъ скоро требуется назадъ. Прощай“.

Приведемъ еще нѣсколько отрывковъ изъ писемъ. Вотъ письмо 17-е VI-й книги къ Реституту:

„Не могу удержаться, чтобы не изложить предъ тобою въ письмѣ, такъ какъ лично не удалось, то маленькое недовольство, которое я получилъ въ аудиторіи одного друга. Читалось превосходное произведеніе. Два или три краснорѣчивыхъ (такъ кажется имъ самимъ и многимъ другимъ) чловѣка слушали, какъ глухіе и нѣмые: не развели своихъ губъ, не двинули рукой, наконецъ, не встали, хотя бы даже потому, что устали же они сидѣть. Чтò за серьезность, чтò за мудрость? Нѣтъ, нужно сказать напротивъ: чтò это за лѣность, чтò за высокомѣріе зложелательное, или вѣрнѣе, безуміе весь день употреблять на то, чтобы оскорблять, чтобы дѣлать врагомъ того, къ кому пришелъ въ качествѣ величайшаго друга? Если ты самъ краснорѣчивѣе, такъ не завидуй другимъ, потому что завистникъ ниже того, кому онъ завидуетъ. Наконецъ, дѣлаешь ли ты больше, или ты дѣлаешь столько или меньше, — хвали и низшаго, и высшаго, и равнаго; высшаго потому, что самого себя нельзя же хвалить, если даже тотъ и недостоннъ похвалы; низшаго или равнаго потому, что для твоей собственной славы много значить, чтобы какъ можно больше казался тотъ, кого ты превосходишь, или кому ты равенъ. Что касается меня, я обыкновенно уважаю, даже почитаю всѣхъ, которые дѣлаютъ что нибудь для литературы, потому что это дѣло трудное, наводитъ скуку и не дается тѣмъ, которые презираютъ его. Впрочемъ ты, можетъ быть, думаешь иначе. Но кто почитательнѣе тебя

къ этимъ занятіямъ, какой цѣнитель благосклоннѣе тебя? Руководимый этимъ соображеніемъ, я повѣрилъ свое негодованіе преимущественно тебѣ, какъ человѣку, въ которомъ надѣюсь пайдти въ этомъ случаѣ сочувствіе. Прощай“.

Письмо 15-е той же книги къ Роману:

„Ты, какъ и я, не былъ при забавномъ произшествіи. Но до меня дошла свѣжая новость. Пассіенъ Павелъ, славный всадникъ римскій и весьма образованный человѣкъ, сочиняетъ элегіи. Этотъ родъ литературы наследственъ въ ихъ родѣ. Опъ согражданинъ Проперція и даже считаетъ этого поэта въ числѣ своихъ предковъ; читалъ опъ на литературномъ собраніи свое стихотвореніе, которое началъ такъ: „Прикажешь ли Прискъ“ <sup>1)</sup>, на чтѣ Прискъ (опъ былъ въ собраніи, какъ ближайшій другъ Павла) отвѣчалъ: „нѣтъ, не приказываю“. Вообрази себѣ, какой раздался смѣхъ, какіи посыпались остроты! Прискъ находится въ не совсѣмъ здоровомъ умѣ, это ясно; однако опъ отправляетъ должности, приглашается на совѣщанія (судей), и даже по профессіи своей опъ—юрисконсультъ, по этому-то тѣмъ болѣе былъ замѣтенъ и смѣшенъ его поступокъ. Между прочимъ помѣшательство этого человѣка нѣсколько охладило Павла. Тѣмъ, которые намѣреваются читать, нужно заботливо стараться не только о томъ, чтобъ самимъ быть здравомыслящими, но и приглашать къ себѣ такихъ слушателей, которые были бы въ здоровомъ умѣ.

## II. Гвоздентъ.

<sup>1)</sup> Позволеніе читать спрашивали у одного изъ почетнѣйшихъ слушателей.